

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

ИВАН НИКУЛИН –
РУССКИЙ МАТРОС

Леонид Васильевич Соловьев

Иван Никулин – русский матрос

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327492

Аннотация

«... Когда моряка Никулина, бывшего шахтера из Донбасса, доставили в госпиталь, дежурный врач безнадежно сказал:

– Двое суток – больше не вытянет. Удивляюсь, как его довели.

Моряк и в самом деле был очень плох. Весь изрешеченный пулями и осколками, он даже не стонал, лицо покрывала синеватая бледность, так хорошо знакомая врачам. Позвали Сергея Дмитриевича. И здесь, над расprostертым, почти бездыханным Никулиным, начался у него с дежурным врачом спор, перешедший даже в легкую ссору.

– А я вам говорю – выживет! – горячился Сергей Дмитриевич. – Вы на грудь посмотрите, на бицепсы! Если такие у нас помирать будут – куда мы с вами годимся? На камбуз нас, картошку чистить!

– Но такая потеря крови! – говорил дежурный врач. – Пробито легкое. Он безнадежен.

– Я запрещаю вам произносить это слово. В моем госпитале врачи должны верить. Врач без фанатической веры в медицину – это, извините, не врач, а холодный сапожник!

– Я просил бы... – обиделся дежурный и, выпрямившись, застегнул верхнюю пуговицу своего халата.

– Довольно! – строго начальственно прервал его Сергей Дмитриевич, выпрямившись, в свою очередь. ...»

Содержание

В госпитале	5
На большие дела!	8
Путь-дорога	13
На фронт! На фронт!	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Леонид Соловьев Иван Никулин – русский матрос *Быль*

В госпитале

Главный врач военно-морского госпиталя Сергей Дмитриевич Анкудинов был человеком смелым – шел на самые рискованные операции. И если такая операция удавалась, Сергей Дмитриевич прямо-таки влюблялся в своего пациента и отпускал из госпиталя со вздохами.

Когда моряка Никулина, бывшего шахтера из Донбасса, доставили в госпиталь, дежурный врач безнадежно сказал:
– Двое суток – больше не вытянет. Удивляюсь, как его до-
везли.

Моряк и в самом деле был очень плох. Весь изрешеченный пулями и осколками, он даже не стонал, лицо покрывала синеватая бледность, так хорошо знакомая врачам. Позвали Сергея Дмитриевича. И здесь, над распростертым, почти бездыханным Никулиным, начался у него с дежурным врачом спор, перешедший даже в легкую ссору.

– А я вам говорю – выживет! – горячился Сергей Дмитриевич. – Вы на грудь посмотрите, на бицепсы! Если такие у нас помирать будут – куда мы с вами годимся? На камбуз нас, картошку чистить!

– Но такая потеря крови! – говорил дежурный врач. – Пробило легкое. Он безнадежен.

– Я запрещаю вам произносить это слово. В моем госпитале врачи должны верить. Врач без фанатической веры в медицину – это, извините, не врач, а холодный сапожник!

– Я просил бы... – обиделся дежурный и, выпрямившись, застегнул верхнюю пуговицу своего халата.

– Довольно! – строго начальственно прервал его Сергей Дмитриевич, выпрямившись, в свою очередь. – Я сделал вам замечание, будьте добры соблюдать устав и не возражать. Этим раненым я займусь лично. Распорядитесь, чтобы мне приготовили стол для переливания крови.

Сергей Дмитриевич затеял крупную игру. Он рисковал многим – он ставил на карту свой авторитет, свою профессиональную репутацию. Но служба во флоте, хотя и по медицинской, нестроевой части, обогатила характер Сергея Дмитриевича чисто морскими черточками: от опасностей и трудностей не бегать, если уж рисковать, то не оглядываться.

И он выиграл! На всю жизнь запомнилась ему тревожная, трудная ночь, когда с камфарой и шприцем наготове он до рассвета сидел у койки Никулина. Моряк метался, бредил, стонал. В его могучем теле шла отчаянная борьба, време-

нами сердце замирало, почти останавливалось, тогда на помощь приходил Сергей Дмитриевич. Укол, минута затишья – и борьба начиналась снова. Сергей Дмитриевич следил затаив дыхание – не упустить бы момент, не опоздать бы!..

На рассвете он был вознагражден за свои труды и волнения: чутким ухом он уловил первый спокойный вздох моряка.

Сергей Дмитриевич закрыл глаза и откинулся в плетеном кресле. Он очень устал, во рту было сухо, кружилась голова. Но сквозь глухую слабость и утомление все сильнее поднималась в нем из глубины сердца волна высокой, благородной радости. Уверенным упругим движением он встал, широко и сильно потянулся, заложив руки за голову. Зеркало отразило его сухое лицо, упрямый подбородок, жесткий седеющий бобрик на голове. «Молодец! – негромко сказал он, глядя в глаза своему отражению. – Можно сегодня и похвалить!»

Он подошел к окну, поднял штору. Рассветный сад пахнул в лицо ему влажной росистой прохладой. Всходило солнце, вершины деревьев горели в прозрачном и тихом пламени, края высоких облаков расплавились и озолотились. Сад просыпался, птицы возились в кустах, чирикали и щебетали, встречая солнце, а оно поднималось – огромное, доброе, горячее, несущее миру свет и жизнь.

На большие дела!

Никулин поправлялся быстро. Сергей Дмитриевич пристально, ревниво следил за его здоровьем, осматривал через день и с каждым разом все крепче, все веселее хлопал по голый тугий спине.

– Гудит! Колокол! Вот это порода, это я понимаю!

Через полтора месяца Никулин впервые вышел в сад погулять. А еще через месяц он явился однажды утром в кабинет Сергея Дмитриевича.

– Слушаю, – сказал Сергей Дмитриевич, отложив перо. – Что случилось?

– Не могу я больше, – сказал Никулин. – Ночей не сплю. Если уж мне суждено от немецкой пули погибнуть – пусть. На это я согласен. А здесь, в госпитале, я от бессонницы помру.

– Ага-а! – протянул Сергей Дмитриевич. – Понимаю, картина ясна. Вы не бойтесь – от бессонницы не помрете. Я вам снотворные порошки выпишу – будете принимать на ночь.

– Мне порошков не нужно! – взмолился Никулин. – Вы меня из госпиталя выпишите. Я там долечусь, на фронте. А здесь нет больше моего терпения. Сердце горит!..

– Вот бедняга! – сказал Сергей Дмитриевич с насмешливым сочувствием в голосе. – И бессонница у него, и сердце больное. Придется вам по инвалидности в отставку идти, по

чистой.

И вдруг, выкатив глаза, командирским тоном закончил:
– Довольно разговоров! Еще вы меня будете здесь учить, кого и когда выписывать! Сам знаю! Отправляйтесь в сад, гуляйте! Кругом – марш!

С тех пор такие разговоры между ними повторялись каждую неделю: Никулин просил, Сергей Дмитриевич неумолимо отказывал.

Никулин тосковал и томился. Ему думалось, что товарищи, прибывшие позже и еще не покинувшие своих коек, смотрят на него с немым осуждением: выздоровел, ходит, ест за троих, а о фронте даже не вспоминает... Он в душе был очень совестлив, Иван Никулин, и такие мысли были ему нестерпимы.

Всему на свете бывает конец: пришел конец и терзаниям Ивана Никулина. Настал день, когда, сняв госпитальный халат, он надел тельняшку, старый потертый, пробитый пулями и старательно заштопанный бушлат, черные брюки навыпуск. Отныне он не принадлежал больше врачам, санитарам, сиделкам, он принадлежал флоту, фронту.

Вот и литер и проездные деньги в кармане, получен сухой паек – можно трогаться в путь! Загудит паровоз, колеса заведут свою бесконечную скороговорку, и поезд помчит моряка Ивана Никулина на фронт, все ближе и ближе к огнедышащим полям сражений. Там и только там его место, только там сможет он успокоить свое раскаленное сердце и, за-

глянув в мертвые, пустые глаза очередного фашиста, сказать себе: «Правильно живешь, Иван Никулин! Не зря тратили на тебя лекарства и бинты в госпитале!» На прощание Сергей Дмитриевич пригласил Никулина к себе в кабинет. По воцеленному паркету тянулась от окна солнечная полоса, на столе в графине светилось вино, солнечные лучи, пройдя сквозь него, окрашивали скатерть в прозрачно-рубиновые тона.

– Садитесь, Никулин, – сказал Сергей Дмитриевич. – Вот и пришлось нам проститься.

Никулин сел. Он был смущен и взволнован таким вниманием. Глухо ответил:

– Да, пришлось. Ничего не поделаешь, Сергей Дмитриевич, – война.

– Это верно, конечно, – отозвался Сергей Дмитриевич. – А все-таки обидно. Лечил я вас, лечил, резал, бинтовал, разными лекарствами пичкал...

– Спасибо, Сергей Дмитриевич, – сказал Никулин. – Разве я не понимаю – без вас я в земле давно бы лежал.

– Ну, такого богатыря, как вы, уложить в землю – это, знаете, долго работать надо. Ну что же, выпьем за будущую встречу.

Он придвинул к Никулину вазу с яблоками, бокал, взялся за графин – и вдруг передумал.

– Впрочем, я сфотографирую вас сначала. На память. Ничего не имеете против? Тогда садитесь вот сюда, к окну, – здесь света больше.

Из шкафа с книгами он достал «лейку» и щелкал ею, снимая Никулина и в фас, и в профиль, и сверху, и снизу, до тех пор, пока не кончилась в катушке пленка.

– А теперь пожалуйста к столу!

После второго бокала Сергей Дмитриевич протянул Никулину коробку папирос «Люкс».

– Это вам на дорогу. Курите и меня вспоминайте. А когда папиросы кончатся, тоже не забывайте.

Губы Никулина дрогнули.

– Сергей Дмитриевич! – сказал он с упреком. – Что я, фриц какой-нибудь, чтобы добра не помнить? Я русский человек, я добро вовек не забуду.

Покраснев, он полез в карман и достал маленький, любовно отделанный мундштук.

– Думал я, думал, что подарить вам на память. Трубку хотел вырезать – большой я мастер трубки вырезать. А для нее самшитовый корень нужен – где его достанешь здесь? Вот я и решил пока мундштучок вам сделать, а трубка за мной. Приеду на Кавказ, достану корень, и если жив буду, привезу вам трубку после войны.

– Спасибо, – сказал Сергей Дмитриевич. – Ну что же, обнимемся напоследок.

Обнялись и крепко поцеловались.

– Счастливый путь, Никулин. Себя на фронте берегите, зря под пулю не лезьте. Зря погибнуть – какой же в этом толк?

– Точно! – подтвердил Никулин. – Ни толку, ни чести. Вы за меня, Сергей Дмитриевич, не беспокойтесь – я зря не погибну. Мне жизнь нужна, потому что я не так себе на фронт еду. У меня замысел есть. И еще скажу, Сергей Дмитриевич, – живой ли буду, погибну ли, все равно вы обо мне услышите! Даю свое морское флотское слово!

На том и расстались.

Минут через пятнадцать в кабинет вошел дежурный врач, удивился, увидев на столе в такой ранний час графин и бокалы. Сергей Дмитриевич пояснил:

– Это мы с Никулиным прощались. Проводил я его на фронт...

Вздохнул, добавил:

– На большие дела пошел парень!

Путь-дорога

Моряк в одиночку путешествовать не любит, да и не умеет. Скучно ему без родных бушлатов и бескозырок – не с кем вспомнить общих знакомых из Кронштадта и Севастополя, потолковать о кораблях, забить с лихим пристукиванием козла.

Никулин прошел свой вагон из конца в конец, но среди пассажиров не увидел ни одного моряка. Заскучал, сел у окошка.

Едва поезд на остановке замедлил ход, Никулин спрыгнул на перрон и пошел вдоль состава в тайной надежде встретить своего. И ему повезло: еще издали увидел краснофлотца.

– Здорово!

– А, дружище, здорово! Куда, откуда?

Морякам времени требуется немного – через пять минут знакомы, через десять – друзья. Раньше чем ударили два звонка, Никулин знал все о новом своем приятеле: зовут Василий, фамилия Крылов, был в госпитале, возвращается на Черное море, в морскую пехоту.

– Ну что же, Вася, – сказал Никулин, – забирай, дружище, свой мешок и топаем в наш вагон.

На следующей станции вышли погулять и встретили еще троих – Василия Клевцова, Филиппа Харченко да Захара Фомичева. А уж если в каком-нибудь вагоне забивают коз-

ла пять моряков, то остальные обязательно соберутся в этот вагон со всего поезда. Так оно и вышло – вскоре к веселой компании присоединился Николай Жуков, потом Серебряков с Коноваловым, а дальше Никулин и счет потерял. На каждой остановке в дверь просовывалась бескозырка и раздавался вопрос:

– Наши, флотские, здесь едут?

– Здесь! – кричали в ответ. – Давай швартуйся!

Так все швартовались да швартовались, пока не забили до отказа полвагона. Никулин весело сказал:

– Да мы теперь целую эскадру укомплектовать можем.

– Вполне! – отозвался Фомичев. – Двадцать четыре человека. Полный комплект.

– Нет! – подал голос Клевцов. – Счет неровный. Двадцать пять – вот тогда будет полный комплект. Одного не хватает.

Словно бы в ответ на замечание Клевцова дверь открылась, и он вошел – двадцать пятый моряк.

– Эге! – сказал он, увидев множество бушлатов и бескозырок. – Не зря, значит, меня в этот вагон потянуло. Нюхом почуял своих.

С виду было ему уже пятьдесят – виски седые, в бороде и усах – серебро. Соответственно своим годам, он и в дорогу снарядился не как-нибудь, по-мальчишески, а солидно, запасливо, обстоятельно: в правой руке был у него чемодан, в левой – огромный чайник, за спиной – туго набитый мешок.

– Уф! – сказал он, присев на нижнюю полку рядом с Ко-

новаловым. – Запарился... Здравствуйте, сынки!

– Привет, папаша! – ответил Никулин. И так ловко, в самую точку пришлось это слово – «папаша», что потом никто и не называл иначе старого матроса.

Папаша приоткрыл чайник, понюхал пар.

– В порядке. Я его, кипятик-то, до поезда еще заварил, – пояснил он. – Пусть, думаю, настоится, а как в вагон сяду – тогда уж пить. А ну, сынки, доставайте кружки...

Когда чай был разлит по кружкам, Папаша развязал мешок и достал сахар. Сначала он достал один кусочек, только для себя, – так диктовала ему бережливость. Но ведь кругом сидели моряки, свои!.. Папаша нерешительно посмотрел на краснофлотцев, и морская природа взяла все-таки в его душе верх над бережливостью и всеми прочими чувствами. Крякнув, он вытащил из мешка весь пакет, насыпал сахар на газету и роздал каждому по кусочку. Отставать от Папаши никому не хотелось. И вот пошли открываться чемоданчики, сумки, мешки: один достал сало, второй – колбасу, третий – сыр, четвертый – печенье.

Когда чаепитие окончилось, Никулин пустил вкруговую коробку папирос «Люкс», что подарил ему Сергей Дмитриевич. Двадцать пять человек, двадцать пять папирос – никто не остался в обиде.

...Так вот и ехали. Главенство, по общему молчаливому согласию, принадлежало Никулину. Папаша ведал продовольственной частью. Выяснилось при этом, что он великий

мастер торговаться, понимает толк в любом товаре, а закупки предпочитает оптовые – если уж рыба, то все четыре противня, если яйца – то сотня, если яблоки или сливы – целиком вместе с корзиной. Харченко и Коновалову, как самым быстрым на ноги, поручены были заботы о кипятке. Нашлось дело и Васе Крылову – ему были сданы все билеты, чтобы он хранил их и скопом предъявлял контролеру.

Об этом Васе следует сказать несколько слов отдельно. Он обладал необычайным талантом мгновенно и легко заводить знакомства с девушками. Поезд не успеет еще остановиться, а Вася уже на перроне. Через три минуты он весело болтает с местными станционными девушками, что вышли к поезду, через пять минут вытаскивает из кармана блокнот, карандаш и записывает адреса. На седьмой минуте – гудок, поезд трогается. Вася на ходу вскакивает в вагон и потом долго, до самого семафора, машет из окна бескозыркой.

Моряки смеялись. Больше всех донимал Васю озорник и насмешник Жуков. С притворным сожалением он качал головой и говорил вздыхая:

– Ах, Вася, Вася, жаль мне тебя. Не миновать тебе алиментов.

Крылов краснел и сердился.

– Дурак ты и пошляк – больше никто! Я не для этого во все.

– А для чего же?

– Я письма люблю получать, а родных у меня никого нет.

Я вот с фронта по этим адресам напишу, а мне ответят. Понятно теперь?

Жуков не унимался.

– Эге! Да если тебе по всем этим адресам переписку иметь, контору заводить надо!

Тогда вступался Папаша:

– Ну, чего привязался! Сирота парень, не понимаешь, что ли? Только бы зубы поскалить. Не слушай, Вася, пошли ты его куда-нибудь...

И на этом разговор заканчивался, потому что по морским правилам вступать в пререкания со старшими не положено.

Своего Папашу моряки уважали. Да и как не уважать человека, который еще тридцать лет назад служил на эскадренном миноносце из дивизиона Трубецкого, ходил к анатолийским берегам, обменивался стальными приветствиями с «Меджидиэ» и «Бреслау», своими глазами видел трагедию Черноморского флота в новороссийской бухте. Папаша рассказывал, что и отец его служил во флоте, а дед – матрос гвардейского экипажа – носил георгиевский крест за оборону Севастополя.

– От него, от деда, и фамилия наша пошла – Захожевы, – говорил Папаша. – Идет это мой дед с Крымской войны, на груди у него крест, в кармане отставка по чистой, денег сто рублей наградных, а идти-то ему и некуда: сирота был. Зашел в одно село, остановился у колодца – воды хлебнуть. Смотрит – молодка с ведрами. Хорошая такая, белая да ру-

мяная. Дед-то был не промах насчет ихнего пола. «Дай-ка, – говорит, – ведро напиться». Слово за слово – разговор завел. «Муж-то где?» – «Да вот на войну ушел... Нет и нет!» – «Жалко мне тебя, – говорит дед. – Трудно по хозяйству без мужика управляться, да и скучно небось». Молодка в слезы. «Не говори! По ночам изведешься вся, до света глаза не сомкнешь». А дед знает, – хитрый был, – раз уж из бабы слезу вышиб, значит бери ее голыми руками. «Вот что, – говорит, – молодуха! Человек я бесприютный, но по хозяйству, между прочим, не хуже любого могу управиться. Деньги у меня есть наградные – коров пару взять можно да еще и коня. Бери-ка ты, молодуха, меня к себе в хату в помощники по хозяйству». А глаз у него карий, ус черный, волос русый, крест на груди, сияет, ленточки выются, – да разве ж бабе тут мыслимо устоять? Она и спрашивает: «А, часом, муж вернется?» – «Дай бог ему вернуться. Пусть возвращается, тогда я уйду. Слова не скажу, уйду». – «А он обижаться будет, побьет меня». – «Вот дура баба! Да разве севастопольский герой на севастопольского героя обижаться может?» Словом, уговорил. Стали жить. Муж так и не пришел, остался мой дед в том селе навсегда. А как соседи звали его «Захожий», то и фамилия наша такая пошла – Захожевы...

У Папаши в запасе было бесчисленное количество самых разнообразных историй, морских преданий – порой забавных, порой таинственных и страшных. Рассказывал он охотно; моряки слушали внимательно, боялись проронить слово,

и это льстило ему.

Моряки спрашивали:

– Так, может быть, твой дед самого Кошку видел?

– Вот так раз! – восклицал Папаша. – Конечно, видел! И Кошку видел, и Дашу, и Нахимова, и Корнилова, и Тотлебена. Всех видел! Нахимов сам к награде его представлял!

Пришел проводник, затемнил окна, зажег электричество. Папаша набил свою трубочку, раскурил ее.

– До Крымской войны еще было. Плавал дед на фрегате под парусами. Пошли однажды к турецкому берегу. Какое уж у них было задание, сказать не могу, но только пошли. Через сутки дед командиру докладывает: «Ваше высокоблагородие, неладно идем. Ни одной крысы на корабле нет – все на берегу остались. Нынче нарочно кусок сала на ночь под койку положил – целехонький». Командир строгий был, рассердился. «Глупости болтаешь! Молчи, не смей команду смущать!» Матросское дело известное – повернулся дед кругом и слова не сказал больше.

Ночью заступил на вахту. Ветерочек тихий, двух баллов нет, луна такая – глазам больно! И вдруг видит дед – идет встречным курсом парусник. Только было крикнуть хотел, доложить – да и сообразил: как же так парусник прямо встречу ветра идет? Глянул еще – ноги подкосились. Буруна нет! Корабль-то идет, а буруна нет! И близко прошел, совсем рядом, метрах, может быть, в пятидесяти. Без огней, палуба пустая, на мостике стоит какой-то человек не человек в бе-

лом балахоне... А когда опомнился дед – парусника не видно, ровно растаял. А за бортом жалобно плачет кто-то. Голос тонкий...

Морякам так и не пришлось услышать конец этой таинственной истории – поезд загудел, приближаясь к станции. Это была последняя станция – здесь пассажирское движение заканчивалось. Дальше ходили только военные эшелоны. Морякам предстояло пробираться к фронту оказиями.

Станция, погруженная в беспросветную тьму, была забита военными, возвращавшимися из госпиталей, командировок. Оки атаковали каждый состав, идущий к фронту. Гудки паровозов, лязг буферов, топот ног, крики, ругань. Никулин посмотрел, послушал, покачал головой:

– Нет, друзья, так дело не пойдет. Если будем действовать вразброд, просидим на этой станции дня три. Надо командой действовать. А ну, стройся!..

Построились, рассчитались по порядку номеров.

– Вот что, – внушительно сказал Никулин. – Мы – команда. Понятно? Едем из одного госпиталя. Я – старший. А теперь пошли к военному коменданту требовать немедленной отправки.

Хитрость удалась. Увидев двадцать пять молодцов в морской форме, комендант спорить не стал.

– Этих отправить немедленно! – сказал он помощнику.

К отправке на юг готовился грузовой эшелон, в котором было два полупустых вагона. Моряки заняли один из них.

Помощник коменданта сказал:

– В этот эшелон мы вообще никого не сажаем. Военный груз. А поскольку вы команда, сделали исключение. Заодно будете охранять эшелон в пути. Вот только вы без оружия.

– Не беда! – весело ответил Никулин. – Мы и голыми руками в случае чего.

Мог ли он думать, что слова его окажутся пророческими!..

На фронт! На фронт!

Славно пахнет по ночам кубанская степь! Никулин и Захар Фомичев сидели, свесив ноги, в открытых дверях теплушки, вдыхая этот грустный, тонкий запах полыни и увядающих трав. Остальные моряки давно уже улеглись спать.

– И вот получаю в госпитале письмо, – глухим грудным голосом рассказывал Фомичев. – Конверт как конверт, самый обыкновенный, а у меня сердце падает. Боюсь открыть. Чую – плохое письмо.

– Это бывает, – согласился Никулин. – Вроде как слезой оно пахнет.

– Не слезой, а кровью, – строго поправил Фомичев. – Если бы только слезой, то я бы стерпел. А то – кровью...

Он замолчал, прислушиваясь к шуму колес. Над степью в темно-прозрачной высоте сияли осенние звезды, порой они застилались дымом от паровоза.

– Кровью! – твердо, с напором повторил Фомичев. – Жена писала в этом письме, что Колю да Ксюшу, ребятишек моих, убили фашисты, а самоё искалечили. Навек нечеловеком сделали. Вот что в нем было, в этом письме...

Помолчали еще. Мелькнул какой-то разъезд, а может быть, путевая казарма – не разберешь в темноте. Коротко и гулко прогудел под составом железный мост, и опять говор колес стал монотонно-ровным.

– Как же теперь жить думаешь? – спросил Никулин.

– Не знаю, – ответил Фомичев. – Сердце пекёт – нет терпения. И днем пекёт и ночью. Я вот парень здоровый, одной рукой два пуда кидаю, а, между прочим, смирнее меня парня не было. Чистый телок... Бывало, какой пьяный начнет задираться, я не связываюсь, скорей в сторонку, хотя этого пьяного одним пальцем пришибить могу. «Ну его, – думаю, – к бесу, подальше от греха...» А как письмо получил – сам себя не узнаю. Сделался я ужасно свирепый, ну, чисто зверь. В России сейчас дюже много людей таких, у которых сердце пекёт...

– Это верно, – задумчиво сказал Никулин. – Теперь таких людей много...

Откинувшись в глубь вагона и загораживаясь от ветра плечом, он закурил. Ветер срывал искры с горящей папиросы, мгновенно гасил их.

– Теперь у меня одна думка, – снова начал Фомичев. – У меня думка фронтовая: подраться с ними, с фашистами. Ох, уж и подерусь! Что мне, пулемет ихний страшен? Или танк? Да я теперь один пойду на целый бронепоезд. И жив останусь! Я теперь военную хитрость понимать научился. Вот удивительное дело – до этого самого письма не было во мне никакой военной хитрости. Лежал в нашем госпитале один лейтенант пехотный, хороший человек. Бывало, скажет: «Фомичев, вот тебе тактическая задача: фланги такие-то, огневые точки там-то, здесь мельница, здесь, к при-

меру, овраг. У противника рота, у тебя два взвода, ты наступаешь. Что надо делать, с чего начинать?» А я лупаю глазами и ничего сообразить не могу. А вот после письма я об одном только думать стал – как бы фрицев бить половчее, поспособнее. Лежу и думаю: «Буду на фронте. Пойдут, скажем, на меня три танка, а сбоку ихний пулемет работает. А справа – ложбинка...» Закрою глаза, и так это все мне ясно привидится, ну, как на самом деле! И сразу соображение является, что и как делать. Сколько я таким манером передумал – сосчитать невозможно. Лежу, а сам и с танками воюю, и с мотоциклистами, и с кавалерией. Встретились мы как-то в саду с лейтенантом. Он опять задачу мне: «Решай, – говорит, – Фомичев!» Я ему враз все решил и все обсказал, он даже удивился. «Это, – говорит, – хоть и не совсем по военной науке, зато очень здорово. Этак, – говорит, – ты бы, Фомичев, обязательно добился победы». С тех пор какую задачу даст, я по-своему враз решу. Очень он был довольный, лейтенант этот. «Тебе, – говорит, – Фомичев, надо на командные курсы, у тебя, – говорит, – от природы дюже замечательная военная хитрость». Он думал, что от природы, а того не знал, что меня военной хитрости фашисты обучили, когда Колю и Ксюшу в землю закопали да жену искалечили. Вот она в чем, наука моя! Теперь на фронт с такой думкой еду – сто фашистов положить. Сотню положу, тогда и погибать можно, а раньше мне погибать нельзя. Мой счет – сотня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.